

КАЧЕСТВО ИНСТИТУТОВ КАК ПРИОРИТЕТ МОДЕРНИЗАЦИИ

Андрей Мельвиль

НИУ ВШЭ

amelville@hse.ru

1. Российская модернизация: альтернативные подходы

Понятию «модернизация» в современном российском политическом дискурсе явно не везет – это и модный риторический штамп, и образ идеального «завтра», и символ несбывшихся надежд, и маркер различных политических стратегий, и многое другое... О модернизации говорит и власть, и оппозиция, и бывает очень непросто «отшелушить» реальное содержание от мантр и заклиний.

В экспертных дискуссиях последних лет, посвященных проблематике российской модернизации, можно выделить несколько альтернативных подходов, причем, по различным основаниям. С одной стороны, в фокусе обсуждений – проблема субъектов и направленности импульса модернизации. Многие эксперты, при всей полярности их политических и идеологических пристрастий, склоняются к модели модернизации «сверху» - либо в типичном авторитарном варианте, либо в «просвещенном», предполагающем формирование общественной коалиции в поддержку модернизации по мере осуществления самого модернизационного проекта. Другие полагаются на модернизацию «снизу», причем, тоже в разных вариантах. Очень часто при этом разные модели модернизации формулируются в одном модусе долженствования: «нужно, чтобы...», «необходимо осуществить...» (а вот «как» это сделать и «кто» этому конкретно мешает, часто остается за скобками рассуждений)

С другой стороны, дискутируется само содержание модернизации – одни (часто молчаливо, но в подавляющем большинстве) под ней понимают эффективные технологические решения, другие (совершенно внятно, но в меньшинстве) утверждают, что модернизация в сегодняшней России (как и в других «догоняющих» странах) предполагает в качестве обязательного условия определенные политические решения – «раскрытие» политического пространства, конкуренцию и плюрализм (см. Макаренко, 2008; Гельман, 2009; Россия XXI века: образ желаемого завтра, 2010; Guriev and Zhuravskaya, 2010; Ясин 2012; и др.).

Я категорически солидарен с позицией обозначенного выше «меньшинства», но в этом материале¹, учитывая разработки российских и зарубежных коллег-компаративистов, предлагаю несколько иную постановку проблемы:

(а) Каковы ключевые приоритеты (внутренние и внешние) российской модернизации?

(б) Каковы ключевые факторы торможения модернизации?

(в) Каковы возможные мотивы и стимулы для модернизационных реформ?

Чтобы найти ответы на эти вопросы, я предлагаю вначале разобраться в том, как качество институтов связано с государственной состоятельностью/State Capacity и какова их связь с демократией и демократизацией. Далее нужно определиться с тем, как операционализировать и как измерить качество институтов и State Capacity, а также как выявить институциональные факторы торможения и возможные стимулы для модернизационного развития.

2. Качество институтов & State Capacity: какова их связь с демократией?

Отправной точкой в данном материале является понимание:

(а) российской модернизации как комплексной стратегии институциональных трансформаций, основывающихся в первую очередь на политических преобразованиях (если грубо – демократизация) в качестве условия и предпосылки для развития экономических и социальных реформ;

(б) качества институтов (государственных) как условия для современного модернизационного развития.

В современной компаративистике есть солидные концептуальные и эмпирические наработки относительно параметров качества институтов (часто операционализируемых в форматах различных индексов государственной состоятельности и/или State Capacity) и их влияния на экономическое развитие и/или демократизацию (Bratton and Chang, 2006; Baek and Hadenius, 2008; Hanson, 2008; Charron and Lapuente, 2010; Fortin, 2010; Fortin, 2011; и др.).

Одним из наиболее авторитетных источников оценки качества государственных институтов является проект Всемирного Банка Worldwide Governance Indicators, создающий рейтинги свыше 200 стран мира по совокупности агрегированных переменных (от +2,5 до -2,5). Позиции России в последнем рейтинге (2010 г.) крайне низкие:

---

¹ В частности, в этом материале используются результаты исследовательских проектов, осуществленных и осуществляемых при поддержке Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (при участии Д.Стукала, М.Миронюка, М.Ильина, Е.Мелешкиной, О.Харитоновой и др.), а также мои совместные разработки с Б.Макаренко.

- Voice and Accountability -0,94
- Political Stability and Absence of Violence -0,88
- Government Effectiveness -0,39
- Regulatory Quality -0,39
- Rule of Law -0,78
- Control of Corruption -1,07.

В современной литературе при концептуализации и измерении качества институтов часто используются в качестве прокси различные индексы государственной состоятельности/*State capacity*. Одна из ключевых проблем, которые рассматриваются в соответствующих исследованиях, связана с определением зависимости между качеством институтов/государственной состоятельностью и демократией/демократизацией. Здесь можно выделить три альтернативных подхода:

(а) “Stateness First”: государственность как необходимая предпосылка демократии

В современной политической компаративистике в качестве едва ли не априорной посылки распространено представление о том, что государство/государственность является необходимой предпосылкой демократии. Этот тезис идет еще от Rustow 1970. Часто цитируется утверждение Х. Линца и А. Степана о том, что «демократия есть форма правления в современном государстве. Таким образом, без государства современная демократия невозможна» (Linz and Stepan 1996: 17). . Данный аргумент получает развитие в работах Ф. Фукуямы, Э. Мансфилда и Дж. Снайдера и др. (Fukuyama 2004a; Fukuyama 2007; Mansfield and Snyder 2007).

Й. Моллер и С.-Э. Скаанинг (Moller and Skaaning 2011), продолжая логику аргументации, представленную в ряде других работ (Tilly 1990; Van Creveld 1999 и др.) подчеркивают, что современные государства рождались недемократическим путем, в крови и насилии, и лишь постепенно некоторые из них становились демократиями, и приходят к тому же общему выводу, что государственность предшествует демократии.

В литературе также выделяется отдельная линия, конкретизирующая обсуждаемый нами тезис о государственности как обязательной предпосылке демократии в плане проблематики качества государственных институтов. Суть данного аргумента сводится к тому, что демократизация без качественных институтов ведет к политическому и социальному хаосу и экономическому спаду (см. в качестве характерного примера Полтерович и Попов 2006).

Действительно, нет никаких сомнений в том, современная демократия невозможна без дееспособного государства и не может не существовать в пространстве

государственности. Проблема, однако, в другом – государство не абстракт, существуют очень разные государства и типы государственности. Государства по-разному понимают свои приоритеты и по-разному исполняют свои функции. Общий тезис о том, что государство является предпосылкой демократии, нуждается в конкретизации и развитии. Да, исторически создание «современных» (европейских) государств и государственное строительство предшествовали формированию демократических институтов и практик. Но нет достаточных теоретических и эмпирических оснований для экстраполяции этой последовательности в сегодняшний мировой контекст. Многомерная и разнонаправленная логика мирового политического развития требует дифференцированного подхода к вопросу о характере государства и государственности, детализированного рассмотрения их различных качеств, в первую очередь – применительно к рассматриваемой нами проблематике².

В окружающем нас мире – очень разные государства с разными характеристиками государственности. Дифференциация уровней государственной состоятельности как раз и используется в качестве одного из способов их измерения и сравнения, в том числе в аспекте режимных различий. При этом в литературе обоснован теоретический аргумент о разных соотношениях уровней государственности и типов политических режимов (см. работу Ч. Тилли 2007 г.: по вертикали – государственная состоятельность, по горизонтали – политические режимы):

	Политический режим	
Государственная состоятельность	Высокий потенциал государственной состоятельности – недемократический режим	Высокий потенциал государственной состоятельности – демократический режим
	Низкий потенциал государственной состоятельности – недемократический режим	Низкий потенциал государственной состоятельности – демократический режим

Источник: Tilly 2007: 19

² Показательно в этом отношении уточнение, сделанное А. Хадениусом (Hadenius 2001): в современных условиях не любое государство является предпосылкой демократии и условием демократизации, а государство особого рода – «взаимодействующее государство» (“interactive state”), т.е. такое, которое развивает связи с обществом и отвечает на его запросы.

В ряде исследований этот вывод подтверждается эмпирически (см., например, Мельвиль, Ильин, Мелешкина, Миронюк и др. 2007; Melville with Polunin, Ilyin, Mironyuk et al 2010 о «демократии без государственности» и «государственности без демократии»).

(б) “Democratization Without a State”: насколько необходима в современном мире государственность как предпосылка демократии?

Строго говоря, это логически и теоретически возможная, но в содержательном отношении совершенно маргинальная позиция. О. Тенси приводит Косово в качестве примера демократизации без эффективной государственности (Tansey 2007), заметим – примера весьма неоднозначного. В. Шойерман под критическим углом рассматривает аргументы относительно процессов глобализации и транснационализации как факторов, снижающих относительную значимость суверенного государства и государственности для демократизации (Scheuerman 2009). В сходном контексте иногда рассматриваются перспективы «демократизации извне» – фактически при слабом государстве.

(в) “Democratization Backwards”/“Building the Ship of State at Sea”: одновременность и комплементарность государственного строительства и демократизации?

Гораздо более значимая проблема, все более активно дискутируемая в современной литературе, связана с возможностью одновременности и комплементарности процессов государственного строительства и формирования демократических институтов и практик. Существует ряд теоретических и эмпирических исследований, говорящих в пользу такой возможности. Например, Р. Роуз и Д. Шин говорят о возможности, образно говоря, «строительства государственного корабля в море» (“building the ship of state at sea”), т.е. строительства изначально демократических государственных институтов, причем высокого качества (Rose and Shin 2001: 337). По их мнению, именно это характерно для стран «третьей волны», осуществляющих успешную «демократизацию в обратном направлении» (“democratization backwards”), т.е. без предварительного выстраивания «сильных» государственных институтов. М. Брэттон и Э. Чанг на основе эмпирического анализа особенностей режимных изменений в ряде африканских стран также приходят к выводу о взаимосвязи и взаимообусловленности процессов государственного строительства и демократизации (Bratton and Chang 2006). Дж. Карбоне и В. Мемоли на более широкой выборке стран приходят к аналогичному выводу, используя, однако, вызывающую возражения методологию (Carbone and Memoli 2011/2012).

Дж. Фортин отмечает, что как существующие теоретические разработки, так и имеющиеся эмпирические данные не позволяют четко установить направление причинной

зависимости между государственным строительством и демократизацией, и на этом основании приходит к выводу о том, эти процессы взаимно подкрепляют друг друга (Fortin 2011). Фактически, это связано с проблемой эндогенности применительно к рассматриваемым нами вопросам. Иными словами, направление причинной зависимости трудно определить однозначно: что влияет на что и нет ли тут «третьих» причин? Связаны ли состояние/динамика государственной состоятельности и демократии/демократизации только друг с другом – или еще и с другими факторами/изменениями: например, развитием рыночной экономики, внешними влияниями и др.?

3. Качество институтов, State Capacity и уровни демократии: как измерить?

В существующей эмпирической литературе для оценки качества институтов часто используются разнообразные индексы государственной состоятельности/State Capacity (см., например, Baek and Hadenius, 2008; Charron and Lapuente, 2010; Fortin 2010; Попов, 2011 и др.), причем, значения многих переменных в этих индексах определяются экспертным способом. Разрабатывая в данном проекте собственный индекс государственной состоятельности/State Capacity и используя его (со всеми оговорками) для измерения качества институтов, мы стремились опираться не столько на данные экспертных опросов, сколько на существующие статистические базы данных. Далее мы определяем, как средние значения нашего нового индекса связаны с теми или иными типами политических режимов (по Freedom House и Polity IV)³. Наша выборка включает 29 посткоммунистических стран, включая Монголию.

В соответствии с критическим анализом существующей литературы по рассматриваемой проблематике, мы предлагаем собственный индекс государственной состоятельности/State Capacity, который является результатом агрегирования методом главных компонент трех его составляющих индексов:

- (1) Правопорядка;
- (2) Управленческой способности;
- (3) Ресурсов и инфраструктуры.

Индекс правопорядка представляет собой композитный индекс права на физическую неприкосновенность (по базе данных Cingranelli-Richards⁴), представляющий собой среднее арифметическое показателей пыток, исчезновений людей, внесудебных расправ и наличия политических заключенных.

---

³ Статистическая разработка осуществлена Д. Стукалом.

⁴ Cingranelli-Richards Human Rights Data Project (<http://ciri.binghamton.edu>).

Индекс управленческой способности получен методом главных компонент на основе четырех показателей – индекса качества государственного управления из Международного справочника страновых рисков (International Country Risk Guide, ICRG)⁵; доли доходов от сбора налогов в ВВП (по данным Всемирного банка)⁶; индекса восприятия коррупции (по Transparency International)⁷ и показателя качества регулирующих экономику институтов, известного как «контрактные деньги» (Contract Intensive Money) – по данным IMF⁸.

Индекс ресурсов и инфраструктуры получен методом главных компонент на основе трех показателей: плотности дорожной сети; ВВП на душу населения; потребления электроэнергии на душу населения (все три показателя взяты из базы данных WB).

Результаты сопоставления значений нашего индекса государственной состоятельности/State Capacity и его отдельных составляющих с типами политических режимов (по версиям Freedom House и Polity VI) представлены в Таблице 1.

Тип режима		Общий индекс государственной состоятельности	Правопорядок	Управленческая способность	Ресурсы и инфраструктура
Freedom House	свободный	0,55	6,67	0,45	0,55
	частично свободный	-1,29	5,19	-1,12	-1,02
	несвободный	-1,08	3,73	-0,78	-0,47
Polity VI	демократия	0,29	6,33	-0,61	0,24
	гибридный режим	-1,50	4,53	-1,28	-0,90
	автократия	-0,98	3,71	0,19	-0,66

Таблица 1.

Результаты очевидны: государственная состоятельность (в нашем понимании – также и качество институтов) выше всего в консолидированных - или стремящихся к консолидации – посткоммунистических демократиях. Посткоммунистические автократии демонстрируют гораздо более низкие уровни государственной состоятельности и качества институтов – но более высокие по сравнению с гибридными режимами. Эти выводы

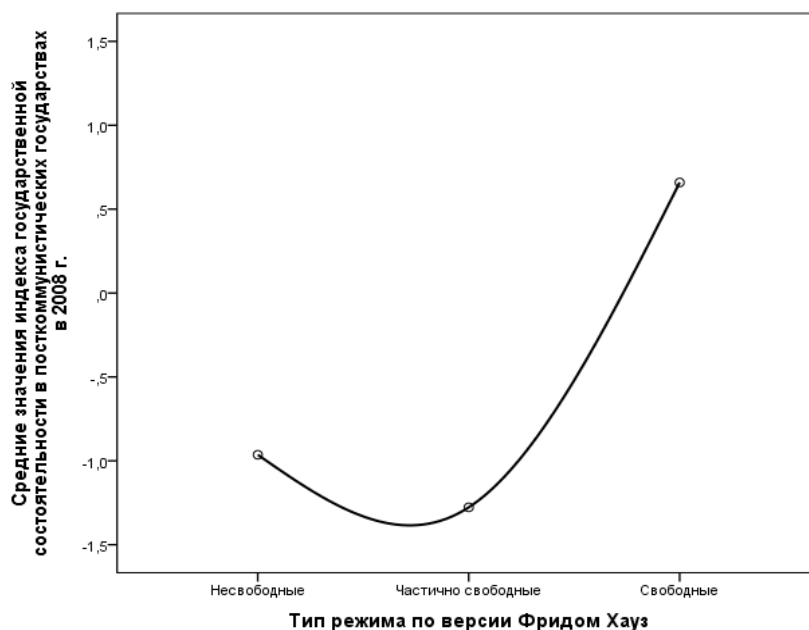
⁵ The Quality of Government Institute (<http://www.qog.pol.gu.se/>)

⁶ World Development Indicators / The World Bank (<http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators>).

⁷ Corruption Perceptions Index / Transparency International (<http://www.transparency.org/research/cpi>).

⁸ International Monetary Fund. Data and Statistics (<http://www.imf.org/external/data.htm>).

демонстрируются следующими практически идентичными

графиками

График 1.

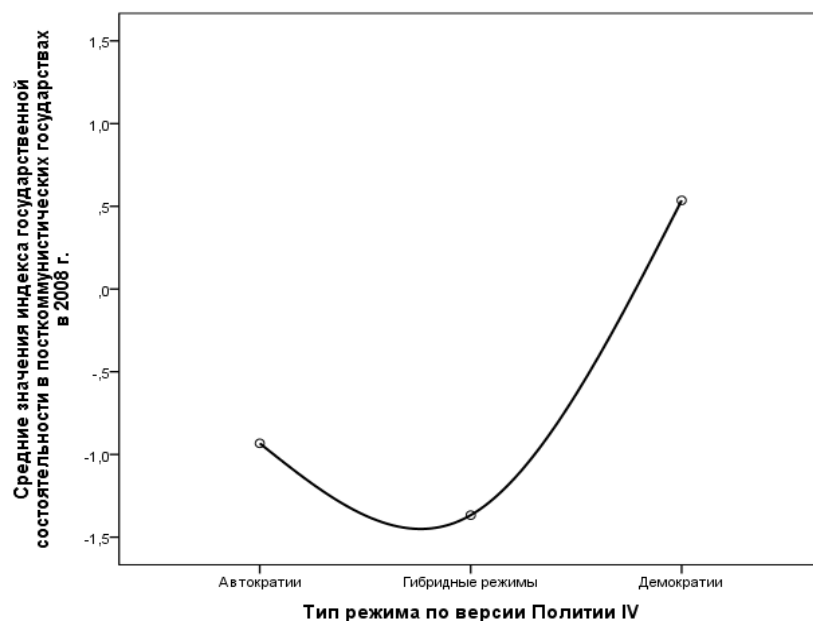

График 2.

Что же (или кто же) в гибридных режимах тормозит политические, экономические, социальные и иные реформы, которые могли бы способствовать продвижению к более высокому качеству институтов и демократии?

4. «Царь горы»: факторы торможения

В свое время классики транзитологии сформулировали одну из базовых, как тогда казалось, проблему перехода к демократии: как продолжать осуществлять начатые

реформы, когда большинство населения в переходных странах страдает от резкого ухудшения своего экономического и социального положения от приватизации и перехода к рынку? Это фактически образ J-кривой в формулировке А. Пшеворского (Przeworski, 2002): как выйти из «долины транзита» на желанный «холм реформ», если они несут тяготы для людских масс, которые оказались в положении «проигравших»? Ф. Шмиттер (Schmitter, 2005) в этом же контексте формулирует еще более яркий образ «долины слез».

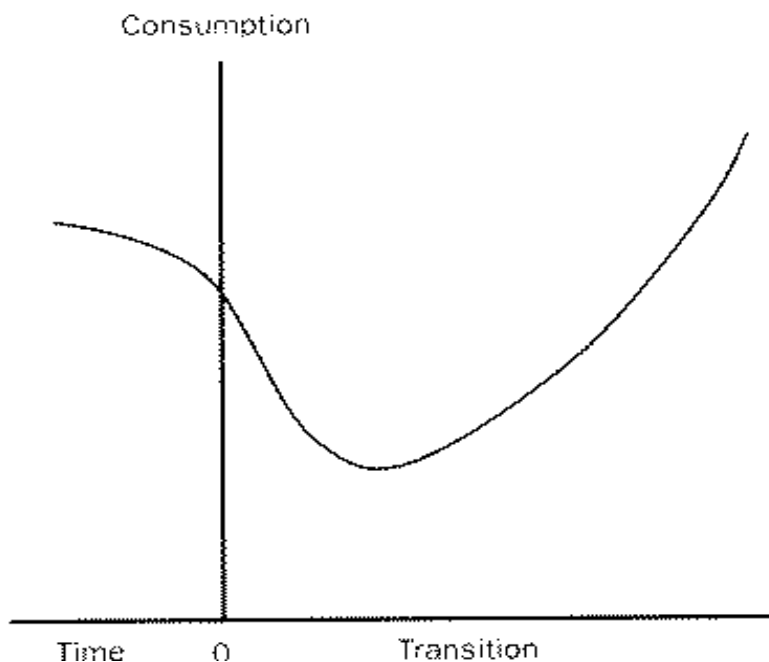
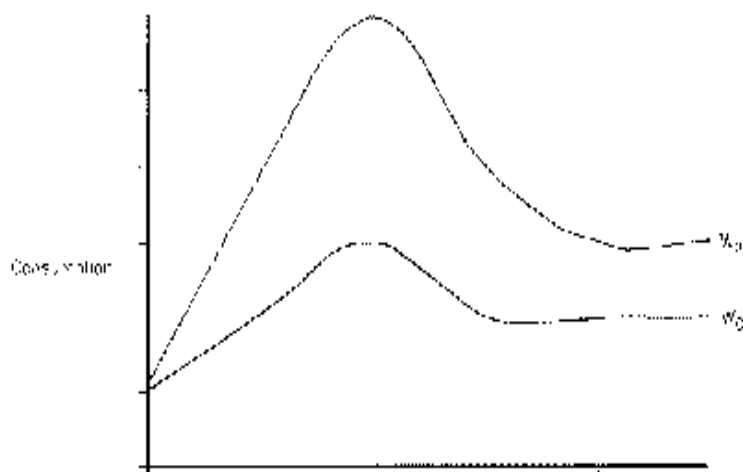

Схема 1: «Долина транзита» («Долина слез»).

Действительно, это сильный аргумент. Однако это лишь одна сторона проблемы, которая применительно к гибридным режимам и новым автократиям связана отнюдь не с «проигравши», а, напротив, с «победителями».

Дж. Хеллман (Hellman, 1998) фактически «переворачивает» J-кривую «с ног на голову» и предлагает противоположный аргумент: «победители» (т.е. новые элиты, выигравшие от приватизации) оказались «на вершине холма» частичных и незавершенных реформ, стали монополистами результатов гигантского перераспределения государственной собственности и именно поэтому стремятся к сохранению достигнутого статус-кво. Иными словами: “Winners Take All”. Им вовсе не нужно продолжение экономических реформ, которые вели бы к эффективной экономике и качеству институтов, поскольку это станет угрозой для их экономической монополии (см. Схему 2).

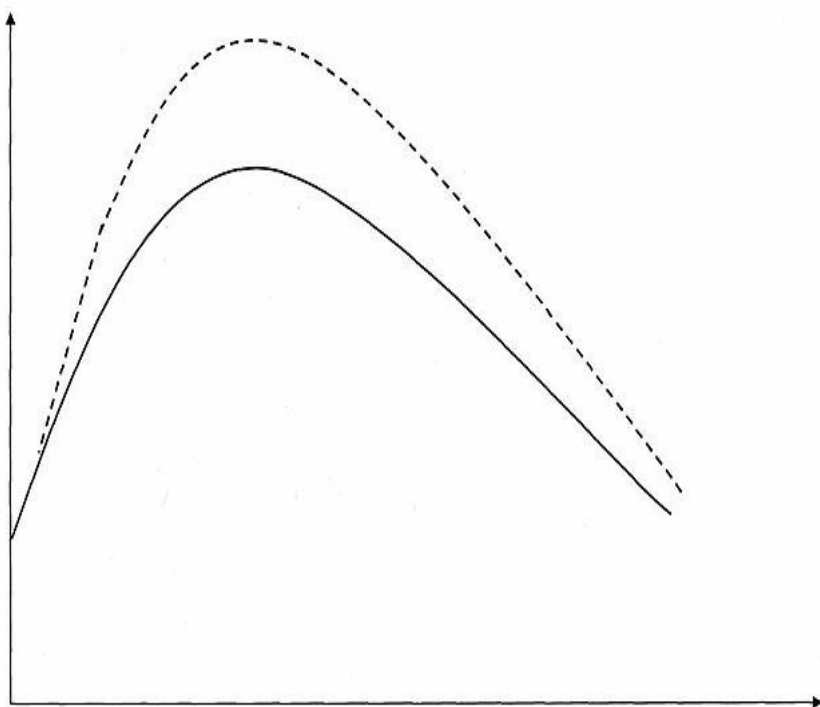
Вид

Схема 2: “Winners Take All”

Я предлагаю развитие этого аргумента в духе современной политэкономии. В посткоммунистических (и не только) гибридных режимах, как и в новых автократиях, условием гарантированного извлечения экономической ренты является монополия на ренту политическую. Без несменяемости власти, обеспечиваемой недопущением реальной политической конкуренции и легитимированной имитационными институтами и плебисцитарными технологиями, в таких режимах у правящих элит нет гарантий на экономическую ренту. Завоевав положение победителей «на вершине холма», они делают все, чтобы остаться «царем горы». Они по сути дела лишены мотивов и у них просто нет стимулов для формирования качественных институтов управления и демократических практик. Созданные ими «плохие» (т.е. коррумпированные, непрозрачные и неэффективные) институты для них как раз являются «хорошими». Такие институты выполняют функции, для которых были созданы, и закрепляют соответствующую «институциональную ловушку» (Гельман, 2010). Как следствие, происходит «захват государства», в том числе силовой (Волков, 2002), и дальнейшее закрепление «большого», но «слабого» (с точки зрения качества институтов) авторитарного государства (Петров, 2011). Экономическая и политическая рента, а не приоритеты гарантии собственности и экономической и политической конкуренции, становятся главным побудительным мотивом для препятствия реформам и поддержания стабильности статус-кво, которая в свою очередь оказывается одним из основных препятствий на пути модернизации и демократизации.

Тем самым, реальные преграды для продолжения реформ создает не сопротивление «проигравших», от которых нужно якобы «изолировать» становящееся как бы из благих соображений, чуть ли не поневоле авторитарным государство и режим, а как раз «победители», всеми силами стремящиеся не допустить реального продолжения реформ

или выхолостить их содержание, сделать их сугубо имитационными. Заметим, что это очень сильный аргумент против зарубежных и отечественных пропагандистов идеи о том, что авторитаризм на начальных этапах транзита предпочтителен, т.к. может способствовать экономическим и иным реформам – так, действительно, бывало в 1980-х гг., когда в повестке дня был переход от аграрных обществ к индустриальным (Ю. Корея, Тайвань и др.), но ни разу - в случае переходов от индустриальных к постиндустриальным, инновационным, высокотехнологичным обществам, предполагающим свободное творчество и инициативу, которые невозможны при «закрытой» политике.

Схема 3. «Царь горы»: монополисты политической и экономической ренты и их «страхи».

В этой схеме мы видим положение «царя горы» тех элитных групп в гибридных режимах и новых автократиях, которые сумели гарантированно обеспечить для себя политическую и экономическую ренту и которые поэтому лишены мотивов как для улучшения качества институтов, так и для обеспечения политической конкуренции (по вертикали – уровни извлечения политической и экономической ренты; по горизонтали – время протекания – или торможения – транзита). Стабильность и статус-кво для них главная задача. В противном случае они обоснованно опасаются утраты своего привилегированного положения. Дополнительная пунктирная кривая – это зашкаливающие за реальные уровни извлечения политической и экономической ренты тревоги и опасения «победителей», которые в случае восстановления политической и

экономической конкуренции боятся не только статусного падения и утраты захваченных привилегий, но даже и преследования за свои прошлые деяния, как это уже случалось в некоторых транзитных странах...

Схема показывает, что пунктирная «кривая опасений» всегда выше реальных уровней извлечения ренты и выше самого пика «царя горы». Даже в случае гипотетического «спуска с холма», т.е. сдвига в сторону политической и экономической конкуренции, уровень опасений «победителей-монополистов» за свою судьбу и собственность все равно остается выше. (Это, кстати говоря, вариация одной из классических проблем, поднятых еще на ранних этапах транзитологических исследований, прежде всего применительно к латиноамериканским странам, получившая название «проблемы истязателя»).

5. Внутренние и внешние стимулы для повышения качества институтов и модернизации

Остается пока без ответа поставленный выше вопрос о том, откуда могут взяться мотивы и стимулы для повышения качества институтов и модернизационных реформ в ситуации навязанной «царем горы» (это, понятно, собирательный образ) монополии на политическую и экономическую ренту? И, конечно, какие это институты?

Здесь нельзя не вернуться к проблеме заимствования новых институтов в ситуации распада институтов традиционного (коллективистского и иерархического) типа. Существует вполне авторитетное мнение о том, что сохранение традиционных институтов в странах Восточной и Южной Азии, а также на Ближнем и Среднем Востоке создает предпосылки для возможного в дальнейшем экономического подъема. И напротив, их распад в Латинской Америке, Африке южнее Сахары и в большинстве бывших советских республик обрекает эти регионы на неизбежное отставание в развитии (Попов 2012). Избегая обобщений, замечу, тем не менее, что во всех успешных транзитных странах как демократизация, так и модернизация происходили посредством усвоения именно современных представительных институтов и повышения их качества (подотчетность, участие, конкуренция, транспарентность, контроль над коррупцией, законопорядок и др.). Модернизация в XXI в. – это не догоняющая индустриализация второй половины XX в. (пусть даже в формате сингапурского рывка «из третьего мира в первый»). Добавлю, что в зависших в своем транзите гибридных режимах и в новых автократиях персональному или коллективному «царю горы» вообще не нужны качественные институты – ни современные, ни традиционные. Нужны имитационные институты, обеспечивающие политическую и экономическую ренту.

Другой аспект проблемы – механизмы институционального заимствования, которые должны учитывать конкретные условия. Показательно, что в своих последних разработках Д. Норт, Дж. Уоллис, С. Уэбб и Б. Вайнгаст, как и другие ведущие институционалисты и политэкономы, предупреждают против прямолинейной трансплантации институтов развитых экономик и демократий в слабо подготовленное для этого «тело» транзитных стран (Норт, Уоллис, Уэбб, Вайнгаст, 2012). Потому-то и предлагается концепция “good enough governance” (вместо “good governance”) в качестве критерия оценки качества институтов переходного периода.

В заключение, несколько слов о мотивах и стимулах для модернизации, ключевым приоритетом которой является повышение качества институтов – посредством их замены или реформы. Политическая компаративистика эпохи «третьей» (и «четвертой») волн демократизации вполне достоверными эмпирическими способами выявила несколько возможных моделей инициирования реформ⁹:

Во-первых, «сверху» в результате раскола правящих элит (характерные примеры – Испания после смерти Франко, СССР после прихода Горбачева).

Во-вторых, «сбоку» в ходе возвышения новых элит (так было в самом конце 1980-х в Чехословакии, прибалтийских странах и др.).

В-третьих, «снизу» под давлением различных оппозиционных сил и групп (Польша – едва ли не хрестоматийный пример).

В-четвертых, «извне» под влиянием различных механизмов воздействия и влияния – от «принуждения» к демократии как альтернативе гражданским конфликтам и фактическому распаду государственности до требований к вступлению в ЕС и, наконец, более или менее осознанной реакции на политические, экономические, информационные, ценностные, институциональные и др. вызовы современного глобального мира.

Какие же модели актуальны для сегодняшней России? (Я сознательно абстрагируюсь от оценок, меня интересуют лишь возможные сценарии). Раскол элит «наверху» в нынешней ситуации «царя горы» (особенно после 24 сентября 2011 г.) практически нереален. Появление альтернативных элит «сбоку» тоже не просматривается. Давление «снизу» (при всей важности сегодняшнего разнородного протестного движения и возможности альтернативных сценариев политического развития) пока что не дает оснований полагать его в качестве реального катализатора реформ.

---

⁹ Конкретные страновые примеры можно в изобилии найти в четырехтомном энциклопедическом справочнике «Политические системы современных государств» (Москва, 2009-2012), подготовленном в МГИМО-Университете в рамках проекта «Политический атлас современности».

Что же касается внешних факторов возможных модернизационных реформ (политических и экономических), то они заслуживают гораздо большего внимания. При этом совершенно понятно, что о каком бы то ни было внешнем «принуждении» не может быть и речи – система «суверенной демократии» (пусть даже сам термин ушел в небытие) поставила тому прочные заслоны, подкрепленные поддержкой элит и масс. Но вот ответ на вызовы глобализации, транснационализации, членства в международных политических и финансовых организациях, новой информационной и коммуникационной среды, экологии и др. – это то, что придется принимать во внимание, чтобы пойти путем догоняющей, но постиндустриальной модернизации XXI в., а не оказаться на исторической обочине. Этот ответ возможен лишь как повышение качества институтов – их реформа или замена.

Литература

Baek H. and Hadenius A. (2008). Democracy and State Capacity: Explaining a J-Shaped Relationship. – *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*, vol. 21, no. 1, pp. 1-24.

Bratton M. and Chang E. (2006). State Building and Democratization in Sub-Saharan Africa: Forwards, Backwards, or Together? – *Comparative Political Studies*, vol. 39, no. 9, pp. 1059-1083.

Carbone G. and Memoli V. (2011/2012). Does Democracy Foster State Consolidation? A Panel Analysis of the “Backwards Hypothesis”. – http://www.sociol.unimi.it/papers/2012-04-19_G.%20Carbone%20e%20V.%20Memoli.pdf

Charron N. and Lapuente V. (2010). Does Democracy Produce Quality of Government? – *European Journal of Political Research*, vol. 49, no. 4, pp. 443–470.

Charron N. and Lapuente V. (2011). Which Dictators Produce Quality of Government? – *Studies of Comparative International Development*, vol. 46, no. 4, pp.1–27.

Fortin J. (2010). A Tool to Evaluate State Capacity in Post-Communist Countries. – *European Journal of Political Research*, vol. 49, no. 5, pp. 654–686.

Fortin J. (2011). Is There a Necessary Condition for Democracy? The Role of State Capacity in Postcommunist Countries. – *Comparative Political Studies*, vol. 20, no. 10, pp. 1-28.

Fukuyama F. (2004a). The Imperative of State-Building. – *Journal of Democracy*, vol. 15, no. 2, pp. 17-31.

Fukuyama F. (2007). Liberalism versus State-Building. - *Journal of Democracy*, vol. 18, no 3, pp. 10-13.

- Guriev S. and Zhuravskaya E. (2010). Why Russia is not South Korea. – *Journal of International Affairs*, vol. 63, no. 2, pp. 124-139.
- Hanson J. (2008). Democracy and State Capacity: Complements or Substitutes? – Paper presented at the annual meeting of the Midwest Political Science Association, Chicago, April 3-6, 2008.
- Hellman J. (1998). Winners Take All. The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions. – *World Politics*, vol. 50, no. 2, pp. 203–234.
- Hendrix C. (2010). Measuring State Capacity: Theoretical and Empirical Implication for the Study of Civil Conflicts. – *Journal of Peace Research*, vol. 47, no. 3, pp. 273–285.
- Linz J. and Stepan A. (1996). Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press.
- Melville A. with Polunin Yu., Ilyin M, Mironyuk M. et al. (2010). Political Atlas of the Modern World. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Moller J. and Skaaning S.-E. (2011). Stateness First? – *Democratization*, vol. 18, no. 1, pp. 1-24.
- Przeworski A. (1992). Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rustow D.* (1970). Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model. - *Comparative Politics*, vol.2, no. 3, p. 337—363.
- Scheuerman W. (2009). Postnational Democracies without Postnational States? Some Skeptical Reflections. – *Ethics and Global Politics*, vol. 2, no. 1, pp. 41-63.
- Schmitter Ph. with Wagemann C. and Obydenkova A. (2005). Democratization and State Capacity. – Paper for X Congreso Internacional del CLAD sobre la Reforma del Estado y de la Administracion Publica. Santiago, Chile, 18-21 Oct. 2005.
- Tansey O. (2007). Democratization without a State: Democratic Regime-Building in Kosovo. – *Democratization*, vol. 14, n. 1, pp. 129-150.
- The Quality of Government Institute (<http://www.qog.pol.gu.se/>)
- Tilly Ch. (1990). Coercion, Capital and European States, Ad 990-1992. Cambridge: Blackwell.
- Tilly Ch. (2007). Democracy. Cambridge-New York: Cambridge University Press.
- Transformation Index BTI 2012. Political Management in International Comparison. Gutersloh: Verlag Bertelsmann Stiftung.
- Van Creveld M. (1999). The Rise and Decline of the State. Cambridge: Cambridge University Press.
- Волков В. (2002). Силовое предпринимательство. Москва: Летний сад.

- Гельман В. (2009). Тупик авторитарной модернизации. – *Pro et Contra*, сентябрь-декабрь, стр. 51-61ю
- Гельман В. (2010). Россия в институциональной ловушке. – *Pro et Contra*, июль-октябрь, стр. 23-38.
- Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С, Вайнгаст В. (2012). В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности. Москва: НИУ ВШЭ.
- Макаренко Б. (2008). Возможна ли в России модернизация? – *Pro et Contra*, сентябрь-декабрь, стр. 33-47.
- Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Миронюк М.Г., Полунин Ю.А., Тимофеев И.Н., при участии Ваславского Я.И. (2007). Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. Москва: МГИМО-Университет.
- Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. (2011). Факторы режимных трансформаций и типы государственной состоятельности в посткоммунистических странах. – WP14/2011/04 (ч. 1-2). Москва: НИУ-ВШЭ.
- Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. (2012). Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности. – *Полис*, № 2.
- Петров Н. (2011). Обилие слабого государства. - *Pro et Contra*, сентябрь-октябрь, стр. 51-66.
- Полтерович В. и Попов В. (2006). Демократия, качество институтов и экономический рост. – *Прогнозис*, № 3.
- Попов В. (2012). Пот, кровь и слезы. – *Эксперт*, 14 мая.
- Россия XXI века: образ желаемого завтра (2010). Москва: ИНОСР.
- Ясин Е. (2012). Приживется ли демократия в России. Москва: Новое литературное обозрение.